

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-217-225
УДК 81

Экология языка и человека в меняющемся социуме

Виктор Иванович ШАХОВСКИЙ

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-т им. В.И. Ленина, 27
E-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Language and human ecology in the changing society

Victor I. SHAKHOVSKIY

Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 V.I. Lenin Ave., Volgograd 400066, Russian Federation
E-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы приметы изменённого мира, в котором *живёт* современный меняющийся человек. Перечислены некоторые наиболее значимые виды изменений, связанных с научно-техническим прогрессом и его влиянием на жизнедеятельность человека и функционирование его языка. Уделено особое внимание новой информационной среде, в которую погружен человек говорящий, и её влияние на самого человека и его язык, на изменённые коммуникативные стили. Подробно описаны все виды и формы изменённой коммуникации человека под влиянием изменённой в динамике коммуникативной среды: ускоренность общения, клиповость сознания, экспрессивность, эмоциональность, девербализация, переход на общение смыслами, трансформация и деформация человека, как *homo sapiens*. Главным выводом является деэкологизация как меняющегося мира, так и коммуникантов в нём, равно как и их языка. Выявлены основные характеристики изменённой коммуникации, в которой отразились многие аспекты языка: интонация, орфоэпия, акцентология, орфография, пунктуация, лексика, синтаксис. Подчёркнуты доминирование негативных эмоций во всех видах и типах общения и позитивность изменяемой эпохи, где огромное место занимает цифровой мир: цифровые трансформации, цифровая экономика, цифровое телевидение, искусственный интеллект, кибернетика, роботология.

Ключевые слова: экспрессивизация/эмоционализация; девербализация; ускоренность коммуникации; формирование нового типа коммуниканта; новый тип общения – общение смыслами; токсичность человека

Для цитирования: Шаховский В.И. Экология языка и человека в меняющемся социуме // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 217-225. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-217-225

Abstract. We analyze the signs of the changed world in which a modern, changing human lives. We list some of the most significant types of changes associated with scientific and technological progress and its impact on human life and the functioning of his language. Particular attention is paid to the new information environment in which speaking human is immersed, and its impact on the human himself and his language, on altered communication styles. All types and forms of altered human communication are described in detail under the influence of a communicative environment altered in dynamics: accelerated communication, clip-like consciousness, expressiveness, emotionality, deverbilization, transition to communication with meanings, transformation and deformation of human, as *homo sapiens*. The main conclusion is the deecologization of both the changing world and the communicants in it, as well as their language. We reveal the main characteristics of the altered communication, in which many aspects of the language are reflected: intonation, orthoepy, accentology, spelling, punctuation, vocabulary, syntax. We emphasize the dominance of negative emotions in all sorts and types of communication and the positivity of a changing era, where the digital world holds a huge place: digital transformations, digital economy, digital television, artificial intelligence, cybernetics, robotology.

Keywords: expressivization/emotionalization; deverbalization; accelerated communication; formation of a new type of communicant; new type of communication – communication with meanings; human toxicity

For citation: Shakhovskiy V.I. *Ekologiya yazyka i cheloveka v menyayushchemsya sotsiume* [Language and human ecology in the changing society]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 217-225. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-217-225 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Падение человека влечёт за собой падение языка. А падение языка ведёт к падению человека.

Р. Эмерсон

Язык народа – его дух, а дух народа – его язык.

В. фон Гумбольдт

Язык – это город, на построение которого каждый живший на Земле человек принёс свой камень.

Р. Эмерсон

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, назначение эпитафии – высветить, эксплицировать основную мысль/смысл следующего за ним нарратива. Я привёл несколько эпитафий, суммативный смысл которых заключается во взаимосвязи языка и человека, языка и народа, языка и менталитета народа, как мыслительной деятельности человека, языка и коммуникативной среды/социума, в изменчивости коммуникативной личности и духа народа через его язык.

Все эти мудрые мысли выдающихся мировых личностей были высказаны в разное время, по разным поводам, но они продолжают оставаться современными в силу того, что ещё древние говорили: «Всё движется и всё изменяется». В настоящее время мы являемся свидетелями того, что мир не только сдвинулся с места, и очень заметно, но и всё сильнее убыстряется это изменение [1; 2].

В десятилетиями писавшемся романе Стивена Кинга «Тёмная башня» бесчисленное количество раз звучит рефреном фраза «Мир сдвинулся с места». А это значит, что в меняющемся мире не может не меняться и сама коммуникация, и сам коммуникант.

Также к этому изменению добавляются изменения в природных сезонах – они смещаются, смещаются астрологические признаки, и, например, Козерог уже находится где-то то ли в зоне Стрельца, то ли в зоне Водолея. Наука утверждает, что звёздная

карта тоже переместилась в космическом пространстве, и что позиция Стрельца, Козерога и Водолея сдвинулись со своих фиксированных позиций. Аналогичное явление наблюдается и с другими знаками зодиака. Сдвинулись и климатические пояса, и, наоборот, временные.

Если же вернуться в сферу лингвистической коммуникологии, то первое, на что надо обратить внимание, что все виды и типы человеческого общения, равно как и их новые формы и форматы всё более разобщают людей и, увы, не только между разновозрастными поколениями, но и внутри одного. Это объясняется обостренной индивидуальной идентификацией говорящих, их нежеланием идти навстречу друг другу, настойчивостью в самопродвижении/самоутверждении, уходом от Вавилона, от коллективной идентификации.

В свою очередь такая коммуникативная ситуация создаёт повышенный доминирующий информационный фон, и прежде всего эмоциональный: агрессия, ненависть, враждебность. Нежелание идти на уступки друг другу, нетолерантность, в том числе и эмоциональная, многоликость коммуникативных сред в разнообразии новой реальности «опрокидывают» все максимы Дж. Лича и Г. Грайса, риторические правила Н.И. Формановской, прагматические установки, золотое и платиновое правила межличностной коммуникации [3]. Прагматика утверждает, что речевые партнеры должны завершить своё общение повышением собственной самооценки, то есть бесконфликтностью для будущего общения. Здесь можно вспомнить и рекомендации Д. Карнеги (1936), которые тоже уже более не являются руководствами для современных коммуникантов [4]. Это объясняется тем, что современный социум переполнен информационным шумом, в том числе и фейковым, как изобретённым, так и искажающим истинные события и факты. Доминирующим является, к сожалению, информационный фон негативной эмоциональ-

ности, провоцирующий негативные ожидания. Медиалогия насчитывает в российской коммуникативной сфере около 30 тыс. СМИ и около 200 тыс. ежедневных новостных событий, в том числе намеренно/ненамеренно фейковых. Особенно обострилась негативная тональность в Интернете, который теперь тоже причислен к СМИ [5].

Поскольку человека с детства не учат правилам речевой коммуникации в различных речевых жанрах, в том числе и эмотивных, не закладывают в языковую компетенцию составляющие эмоционального интеллекта, как существенные добавки к IQ [6], то и получается, что говорить об успешности общения часто не приходится. Коммуникологи давно уже предлагают обучать человека принципам рационализации эмоций и превращению аффектов в организованные эмоции [7; 8].

Таким образом, за счёт того, что мир давно уже сдвинулся с места и продолжает двигаться в ускоренном темпе, а также за счёт пересечения миров (в XXI веке эти изменения наиболее ощутимы: освоение космоса всё более совершенными космическими аппаратами, космические вооружённые силы, осуществление всё новых и новых космических полётов на дальние планеты, значительное увеличение новых средств СМИ, в том числе и непечатных, в первую очередь через Интернет, десятки соцсетей и мессенджеров) возникла новая коммуникативная среда – информационная, интернет-среда, спутниковое, кабельное, цифровое ТВ – от малогабаритных чёрно-белых ламповых телевизоров к плазменным цифровым, глобальная компьютеризация, сканирование, ксерокопирование, веб-общение.

Бесчисленные инфоповоды получают ещё более бесчисленные интерпретации, реинтерпретации (комментирования), в том числе через фейковые источники. Причиной некоторых из них являются когнитивные искажения у журналистов за счёт их предвзятостей и пристрастий. По данным «СКАН» «Медиаскоп» процентное отношение негативной и позитивной информации 17:1, отсюда и доминирующий негативный фон, и негативные ожидания, и эффект негативности: у членов социума больше интереса к негативной информации. Именно это объясняет давно установленная лингвистами и психо-

логами асимметрия оценочной лексики, зафиксированная в словарях: языковых знаков с отрицательной семантикой значительно больше, чем с положительной.

В позитивности изменяемой эпохи огромное место занимает цифровой мир: цифровые трансформации, цифровая экономика, цифровое телевидение, искусственный интеллект, кибернетика, роботология (киберы: Алиса, Андрей, Siri и др.) и отражение/изображение роботов в искусстве, литературе, кино, театре, живописи.

К негативным изменениям прежде всего относятся всё более серьёзные осложнения международных отношений, региональные войны, ухудшение экологии за счёт вредности некоторых достижений научно-технического прогресса (взрывы атомных электростанций и атомного оружия), климатические изменения: потепление, активизация движения «зелёные». Отсюда – большое количество креатива в коммуникативной среде (*климатгейт, климатохунвейбинэ, климатологи* (см. также примеры в [9]). Сюда же относится учащение техногенных и природных катаклизмов (без их детализации), теракты, протестные движения (*жёлтые жилеты, майдан, московское дело, конвейерное правосудие* и др.). В интернет-среде получило широкое распространение *хакерство, спам, троллинг, баны, боты, буллинг* и др. Как видим, язык немедленно фиксирует и транслирует новые номинации, которые входят в активное виртуальное и реальное общение: появился новый феномен, и язык тут же его опредметил, ословил: *хайп, кайф, жесть, версус-батлы* и пр.

Если продолжить перечисление негативных изменений, то нельзя не назвать домашнее насилие, спортивный допинг (*допингер, допинг-офицер, допингейт, мельдоний* и др.), межэтнические проблемы, брекзит, (анти)санкции, этнические и конфессиональные конфликты, распространение и активизацию ЛГБТ (дифференциация гендерной идентификации), глубинную коррупцию и мн. др. Все они, несомненно, указывают на быстро меняющуюся коммуникативную среду в этом быстро меняющемся мире. Как неоднократно замечает С. Кинг в «Тёмной башне»: «Мир катится в пропасть и к несправедливости» [10].

Итак, появление какого-либо события составляет инфоповод для СМИ. Инфоповод номинируется и комментируется, в процессе чего журналистами изобретаются креатемы, которые фактически являются мильными камнями истории (то есть определённого временного континуума). Отсюда и исключительная роль языка в картировании, опредмечивании инфоповодов через отражающую, номинирующую, изображающую, сигнификативную функции языка, которые можно объединить единым термином «информативная функция языка» [11]. Благодаря данной функции и рождаются «языковые чудеса» типа *отельеры*, *выселяторы*, *решалы*, *обьюзер*, *оптимизация*, *следак*, *крейсер* «Кузя», *токсичная коммуникативная среда* и мн. др. (см.: [12]). Каждая из этих креатем, как и все остальные, приведённые выше и ниже в данной статье, напрямую соотносятся с определённым ивентом, фактом, датой и возбуждают в памяти коммуникантов определённые ассоциации, которые вызывают соответствующие гештальты.

В непропорциональном соотношении позитивных и негативных изменений в мире проявляется диалектика позитивного и негативного, рационального и эмоционального. И главное, язык не может не фиксировать всю эту диалектику, а лингвисты не могут не замечать этой фиксации и экологические проблемы современной коммуникации. В этом видится справедливость утверждения В. фон Гумбольдта о единстве языка, народа и духа и не менее справедливое утверждение Р. Эмерсона о прямой зависимости между падением человека и падением языка. Кроме этого, меняющийся мир не может не оказывать влияния на коммуникативную личность, на процессы коммуникации и на лексический состав языка: язык номинирует всё происходящее в меняющемся мире. Журналисты раньше всех, играя с языком, изобретают креатемы, которые не могут не быть эмоционально-оценочными, что и будет показано ниже.

ИССЛЕДОВАНИЕ

Все мы являемся свидетелями и современниками уже изменившейся коммуникации в постоянно меняющемся мире. Основ-

ные характеристики этой изменённой коммуникации следующие.

1. Её ускоренность, которая заключается в изменении темпа речи, в интонации, фонации, орфографии, орфоэпии, пунктуации, лексике, синтаксисе. Исследователями отмечается доминирование у современной молодёжи клипового сознания, нежелание читать печатные тексты, особенно классическую художественную литературу, тяга к адаптированным текстам, дайджестам, трейлерам. Широкое распространение получили смски, смайлики, эмодзи, стикеры, мемы, комиксы и т. п. Кстати, такая ускоренность коммуникации (разговоры на легу) объясняется ускоренностью жизни, нам некогда остановиться, оглянуться, тщательно обдумать, мы не можем замедлить темп нашей жизни и работы, и поэтому ярко высветился лингвистический закон об экономии языка, и, соответственно, об экономии речевых усилий. Отсюда и перечисленные выше скорости общения (см. подробнее: [1]).

2. Полагаю, что формальным признаком меняющейся коммуникации в меняющемся мире является её интенсивная **экспрессивизация и эмоционализация**. Доказательством этого утверждения является доминирование негативных эмоций во всех видах и типах общения: раздражительность, гневливость, эмоциональная нетолерантность, обидчивость, и как результат – подача в суды многочисленных исков о защите чести и достоинства, повышенная обострённая этническая и конфессиональная чувственность. Такая изменённость в общении является основанием для появления ряда новых наук, смежных с лингвистикой: лингвистика эмоций (эмотиология), эмотивная лингвоэкология, психолингвистика, этнопсихолингвистика. В конце XX столетия психолог В.П. Зинченко утверждал, что XXI век будет веком психологии. И, мне кажется, что его предсказания сбываются.

И ещё одним доказательством названного изменения являются появившиеся в СМИ креатемы: *атмосфера/минутка/возгонка/наука ненависти*; *тремор страха/протеста* (смешанные эмоции страх + протест), *обьюзер*, *решалы*, *выселятор*, *регуляторная гильотина* и др. Результатом экспрессивизации и эмоционализации жизни и коммуникативного

поведения являются многочисленные бракоразводные процессы, семейное насилие, убийства, в том числе и серийные, появление и распространение публичной поножовщины, расстрелы, коммерческие разборки, как вербальные, так и невербальные. Особое место в СМИ заняли политические ток-шоу, скандальные и не всегда неэкологичные.

Ещё одним доказательством является эмоционализация и экспрессивизация Интернета, и особенно межличностное общение в соцсетях, включая обценную речь и оскорбления. Существуют даже исследования на тему оскорблений [13]. Многочисленны случаи и публичного мата в речи крупных чиновников, публичных и медийных личностей, в кино, театральные постановках, песенном и юмористических жанрах (Камеди клуб/вумен, Стендап, пародии и т. п.). Издано несколько словарей русского мата ([14] и др.).

3. Ещё одной приметой, характеристикой меняющихся форм человеческой коммуникации в меняющемся/измененном мире является **девербализация**: замена слов языком тела и акциональными изобретениями. Ярким примером последнего являются общеизвестные инообразы акционалиста П. Павленского. Пределами медийной девербализации, заменяющей избыточную вербализацию ток-шоу, является выталкивание, избивание, бросание предметов (бутылок с водой) в друг друга, перерыв на длительное время, общение коммуникантов друг с другом, как демонстрация обиды, недружественности и нетерпимости. Достаточно свежим примером девербализации общения являются «подвиги» профессора О. Соколова (расчленение своей аспирантки и др.).

Противоположным примером девербализации является «Птичий гвалт/базар» – одновременное говорение, перебивы (как очень сильные эмотивы), скандальность ТВ-ток-шоу, когда никто не слышит друг друга и не хочет слышать. Это – тоже новая примета меняющейся коммуникации в меняющемся мире, особенно в публичной групповой и институциональной. Все это указывает на меняющуюся натуру человека, как деформирующую коммуникативную личность.

4. Явной приметой меняющейся коммуникации является и изменение форм общения речевых партнеров, в том числе и в

интернет-коммуникации. Эти изменения заключаются в том, что они фиксируются в начале в коммуникативной практике, а потом и в теоретических изысках: лингвисты-историки утверждали, что в далекой древности люди вначале изъяснялись звуками. Потом учёные поняли, что люди изъясняются слогами, затем, что словами. Когда появилась текстология, она стала утверждать, что люди общаются фразами, предложениями, текстами. В конце XX века они стали утверждать, что мы общаемся, обмениваясь образами и через инообразы. Профессор Т. Черниговская недавно провозгласила своё мнение о том, что люди в общении обмениваются мыслями¹. По мнению Т. Черниговской, человек общается мыслями, но ведь мысли прикреплены к конкретному говорящему, конкретной ситуации общения, к её условиям. И вся эта ситуация погружена в социально-психологический культурный контекст.

От контекста зависит смысловой набор каждой мысли, то есть набор конкретизаторов. Именно поэтому мысли у коммуникантов могут совпадать, а смыслы – нет. И можно предположить, что люди общаются, видимо, смыслами, что является серьёзным препятствием для их взаимопонимания: «Что ты имеешь в виду?», «В каком смысле?», «Что ты хотел сказать?», «Что это значит?» и т. п. Такие вопросы возникают, потому что смысловые пазлы у коммуникантов могут не совпадать как за счёт гендерных, возрастных, так и культурных, конфессиональных и многих других причин. В устной коммуникации непонятность можно уточнить, переспросить, поэтому в ней меньше смысловых рисков по сравнению с письменной, которая иногда делает реакцию на реплику отложенной, отсроченной, отодвинутой во времени, и потому иногда неэффективной. Например, в электронной или, скорее, традиционной почте.

Мысли материальны, поскольку они опередмечиваются в делах, поступках, словах, которые билатеральны (а мысли монологичны). Например, эвристические мысли могут опередмечиваться в журналистских и писательских креативах. Их родоначальни-

¹ Вторая встреча с Т. Черниговской // Первый канал. URL: <https://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-tatyana-chernigovskaya-pozner-vypusk-ot-25042016> (дата обращения: 25.10.2019).

ком можно считать Л. Кэрролла («Алиса в стране чудес»). Некоторые креатемы приводятся выше и ниже в данном исследовании.

В Японии давно уже обратили внимание на необходимость экологизации всех видов общения, и начата она с экологизации мышлеобразования/мыслеорождения. Государственной политикой в процессе обучения детей правильно общаться сделана установка на то, что мысли человека являются семенами будущей судьбы человека: из них могут вырасти как сорняки, так и полезные позитивные составляющие судьбы. Поэтому с младенчества японцев учат мыслить экологично и позитивно (подробнее см.: [1]).

Многочисленные исследования современной коммуникации в СМИ демонстрируют огромное изменение и в стилистике, и в этике, и в форме, и в содержании всех видов и типов человеческого общения². Уже зафиксирована полная размытость границ между всеми функциональными стилями. Неэкологичное, вплоть до вульгарного общение охватывает все гендерные, возрастные, конфессиональные, межкультурные ограничения. Широкое распространение получил булинг как в естественной, так и в кибер-коммуникации [9; 15], что является еще одной приметой вульгаризации общения за пределами политеса. А по-другому – за гранью нервного срыва.

Конечно же, можно найти ещё много и других примет меняющейся коммуникации, но главное – теоретический вывод отслеживания этого процесса лингвистами является ярким доказательством того, что проблема «Язык и общество», которая была поднята еще в XVII–XVIII веках, является непреходящей, то есть вечной. Язык и социум тесно взаимосвязаны, социум задаёт язык, социум формирует язык, но и язык не пассивен, он тоже, с одной стороны, отражает социум, а с другой – формирует общество и общественное/коллективное сознание, коллективную и индивидуальную идентификации.

² Гасан Гусейнов: «Мы не ощущаем русский язык своим» // <http://www.psychologies.ru/>. URL: <http://www.psychologies.ru/standpoint/gasan-guseynov-myi-ne-oschuschaem-russkiy-yazyk-svoim/>; Гость Ноам Хомский. Познер. Выпуск от 13.05.2019 // Первый канал. URL: <https://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-noam-homskiy-pozner-vypusk-ot-13-05-2019> (дата обращения: 25.10.2019).

В связи с вышеизложенным, а также в связи с многочисленными публикациями о коммуникативной личности можно заметить, что через определённые промежуточные звенья, под влиянием постоянно меняющегося мира разные типы коммуникантов в теоретической литературе получают следующие номинации: homo sapiens, homo sentiens, homo vulgaris, homo obscenus, homo furans, homo mentiens, homo confusus. Последний термин обозначает человека дезориентированного, сконфуженного, растерянного, потерянного в море противоречивой и, зачастую, лживой информации. Противоречивая информационная среда провоцирует когнитивные искажения у адресата из-за сбитаго фокуса восприятия окружающего мира, приводящего к предубеждениям, пристрастиям и, зачастую, к непониманиям, прежде всего в эмоциональной сфере: от непонимания эмоционального к эмоциональному непониманию всего происходящего. Отсюда и новые креатемы – *бессовестная совесть, разновидности новой реальности* (у отправителей и у получателей информации несовпадающие реальности, пересечение миров по С. Кингу). Все изложенное свидетельствует о дезэкологизации как и самого меняющегося мира, его информационной среды, его многообразных коммуникативных сред, детализирующихся и индивидуализирующихся, так и меняющейся в нём коммуникации (примером того является руководство «Искусство оскорблять» [8]). Многочисленные процессы дезэкологизации общения не могут не вызывать тревогу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое выше исследование соотношения меняющегося мира с меняющейся коммуникацией, то есть с языковой рефлексией всех изменений, позволяет утверждать следующее.

1. Язык, который отражает меняющийся мир, не может не фиксировать в своих новых номинациях (креатемах, зачастую в неологизмах и окказионализмах, в том числе и в концептуальных) эти изменения.

2. В меняющемся мире меняется социально-психологический климат коммуникативной среды и возникающих всё новых и новых коммуникативных сред. Меняются

лексические, грамматические, фонетические (интонационные, фонационные), орфографические, пунктуационные характеристики. Соответственно, меняются стилистика, этика, риторика всех видов общения.

3. В меняющемся мире меняются и взаимоотношения между людьми. Они усложняются и становятся более негативными, недружественными, неприязненными, враждебными, нетолерантными, недобродетельными, необязательными, безответственными и т. п.

4. В условиях продолжающегося изменения мира меняется и сам человек, и его язык: можно уже говорить не только о трансформации, но даже и о деформации коммуникативной личности и её языка.

5. Соответственно, представляется обоснованным тезис о деэкологизации не только самого мира, как окружающей человека природы и социальной среды, но и о деэкологи-

зации токсичности человека, его языка, речи, искусства.

6. В измененном современном мире, который меняется постоянно, коммуниканты часто не понимают происходящее в мире, получают не всегда достоверную информацию, им никто ничего не разъясняет или разъясняет субъективно, пристрастно, а потому и всё увеличивающееся число новых типов говорящего человека.

7. Все вышеизложенное доказывает тесное взаимодействие меняющегося объективного мира, всех разновидностей новой реальности с меняющимся человеком, духом народа и соответствующими языковыми трансформациями с их экологией и с интеллектом человека. Проведённый анализ показывает, что ментальность человека меняется не быстрее, чем его язык, а на них обоих влияет меняющийся мир.

Список литературы

1. *Шаховский В.И.* Ускоренная коммуникация как потребность современного социума // Языковое бытие человека и этноса: материалы 15 Березинских чтений / под ред. В.А. Пищальниковой, Л.Р. Комаловой, Н.Н. Германовой. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. Т. 20. С. 128-293.
2. *Шаховский В.И.* Экологическая многоликость коммуникативных сред человека // Этнопсихоллингвистика. 2019. № 2. С. 92-119.
3. *Матьяш О.И., Погольша В.М., Казаринова Н.В., Биби С.А., Зарицкая Ж.В.* Межличностная коммуникация: теория и жизнь. СПб.: Речь, 2011.
4. *Карнеги Д.* Как завоёвывать друзей и оказывать влияние на людей. N. Y.: Simon & Schuster, 1936.
5. *Шаховский В.И.* Современные СМИ: ответственность журналиста // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 1. С. 1-12.
6. *Goleman D.* Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ? N. Y.: Bantam Books, 1995.
7. *Кибрик А.А., Фёдорова О.В.* О структуре мультимедийного дискурса // Образы языка и зигзаги дискурса: сб. науч. ст. к 70-летию В.З. Демьянкова. М., 2018. С. 174-180.
8. *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ, 2017.
9. *Lörcher H.* "Gutmenschen" und "Nazis" Bemerkungen zu einem politisch Kontroversen Thema // Вербальный буллинг в соцсетях и иноязычном медиадискурсе: материалы Междунар. заоч. науч. конф. / отв. ред. О.В. Кравец. Ростов н/Д.: Изд.-полиграф. комплекс РГЭУ (РИНХ), 2018. С. 46-52.
10. *Кинг С.* Темная башня. М.: АСТ, 2004.
11. *Золян С.Т.* О языке в политической функции // Образы языка и зигзаги дискурса: сб. науч. ст. к 70-летию В.З. Демьянкова. М., 2018. С. 156-174.
12. *Ионова С.В.* Токсичный руководитель: лингвоэкология речевого поведения // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4 (15). С. 1-12.
13. *Невзоров А.Г.* Искусство оскорблять. М.: АСТ, 2016.
14. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Словарь русской брани: матизмы, обцензизмы, эвфемизмы. СПб.: «Норинт», 2003.
15. Вербальный буллинг в соцсетях и иноязычном медиадискурсе: материалы Междунар. заоч. науч. конф. / отв. ред. О.В. Кравец. Ростов н/Д.: Изд.-полиграф. комплекс РГЭУ (РИНХ), 2018.

References

1. Shakhovskiy V.I. Uskorennaya kommunikatsiya kak potrebnost' sovremennogo sotsiuma [Accelerated communication as the need of modern society]. *Materialy 15 Berezinskikh chteniy «Yazykovoye bytiye cheloveka i etnosa»* [Proceedings of the 15th Berezinsky Readings “The Linguistic Being of Human and Ethnos”]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, vol. 20, pp. 128-293. (In Russian).
2. Shakhovskiy V.I. Ekologicheskaya mnogolikost' kommunikativnykh sred cheloveka [The ecological diversity of human communicative environments]. *Etnopsikholingvistika – Ethnopsycholinguistics*, 2019, no. 2, pp. 92-119. (In Russian).
3. Matyash O.I., Pogolsha V.M., Kazarinova N.V., Bibi S.A., Zaritskaya Z.V. *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: teoriya i zhizn'* [Interpersonal Communication: Theory and Life]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2011. (In Russian).
4. Carnegie D. *Kak zavoyevyvat' druzey i okazyvat' vliyaniye na lyudey* [How to Win Friends and Influence People]. New York, Simon and Schuster Publ., 1936. (In Russian).
5. Shakhovskiy V.I. Sovremennyye SMI: otvetstvennost' zhurnalista [Contemporary mass media: a journalist's responsibility]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*, 2019, no. 1, pp. 1-12. (In Russian).
6. Goleman D. *Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ?* New York, Bantam Books Publ., 1995.
7. Kibrik A.A., Fedorova O.V. O strukture mul'tikatikanal'nogo diskursa [On the structure of multi-channel discourse]. *Obrazy yazyka i zigzagi diskursa* [Images of Language and Zigzags of Discourse]. Moscow, 2018, pp. 174-180. (In Russian).
8. Krongauz M.A. *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian Language on the Verge of a Nervous Breakdown]. Moscow, AST Publ., 2017. (In Russian).
9. Lörcher H. “Gutmenschen” und “Nazis” Bemerkungen zu einem politisch Kontroversen Thema. *Materialy Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchnoy konferentsii «Verbal'nyy bullying v sotssetyakh i inoyazychnom mediadiskurse»* [Proceedings of the International Distant Scientific Conference “Verbal Bullying in Social Networks and a Foreign Language Media Discourse”]. Rostov-on-Don, Rostov State University of Economics Publ., 2018, pp. 46-52. (In German).
10. King S. *Temnaya bashnya* [The Dark Tower]. Moscow, AST Publ., 2004. (In Russian).
11. Zolyan S.T. O yazyke v politicheskoy funktsii [On language in a political function]. *Obrazy yazyka i zigzagi diskursa* [Images of Language and Zigzags of Discourse]. Moscow, 2018, pp. 156-174. (In Russian).
12. Ionova S.V. Toksichnyy rukovoditel': lingvoekologiya rechevogo povedeniya [Toxic head: linguoecology of verbal behavior]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*, 2018, no. 4 (15), pp. 1-12. (In Russian).
13. Nevzorov A.G. *Iskusstvo oskorblyat'* [The Art of Insulting]. Moscow, AST Publ., 2016. (In Russian).
14. Mokiyenko V.M., Nikitina T.G. *Slovar' russkoy brani: matizmy, obsenizmy, evfemizmy* [Dictionary of Russian Swearing: Swearisms, Obsenisms, Euphemisms]. St. Petersburg, “Norint” Publ., 2003. (In Russian).
15. Kravets O.V. (executive ed). *Materialy Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchnoy konferentsii «Verbal'nyy bullying v sotssetyakh i inoyazychnom mediadiskurse»* [Proceedings of the International Distant Scientific Conference “Verbal Bullying in Social Networks and a Foreign Language Media Discourse”]. Rostov-on-Don, Rostov State University of Economics Publ., 2018. (In Russian).

Информация об авторе

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник кафедры языкознания. Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация. E-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Вклад в статью: концепция статьи, обзор литературы, написание текста статьи, редактирование материала.

Поступила в редакцию 01.02.2020 г.
Поступила после рецензирования 26.02.2020 г.
Принята к публикации 03.03.2020 г.

Information about the author

Victor I. Shakhovskiy, Doctor of Philology, Professor, Honoured Science Worker of Russian Federation, Chief Research Worker of Language Studies Department. Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation. E-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Contribution: study conception, literature review, manuscript text drafting, material editing.

Received 1 February 2020
Reviewed 26 February 2020
Accepted for press 3 March 2020